

АПЕЛЬСИНЫ. ДЕКАБРЬ. 1972

Городок у чёрта-на-Куличках.
Ветер шапку сносит с головы.
Я стою, встречаю электрички,
что идут под вечер из Москвы.

Вот уже звезда на небе синем,
вся дрожа от холода, блестит,
но я знаю — папка апельсины
мне сегодня должен привезти.

Уф, дождался... подбегу, продрогший,
подхвачу столичные дары
и пойдём, гонимые порошей,
в домик у Кудыкиной горы.

Там тепло, там мать гремит посудой,
дремлет кот, скрипит щербатый пол.
Я своё оранжевое чудо
осторожно выложу на стол.

Знаю, это к празднику... я взрослый,
я готов немного подождать.
да, на горку ж мне, пока не поздно...
— Ну, возьми один,— вдруг скажет мать.

Улыбнётся мне, но я замечу,
как в её глазах сверкнула грусть,
я шагну растерянно навстречу:
— Мама, я с тобою поделюсь...

А она, забыв свою посуду,
взглянет на раскрытый апельсин?

— Ешь один... я не хочу... не буду..
и давай, беги к ребятам, сын.

...только прежде чем сбегать на горку,
в баночку, где был когда-то чай,
спрячу апельсиновые корки,
чтобы после нюхать по ночам.

ГДЕ-ТО НА ОКРАИНЕ РАЯ...

Старый дом на пригорке сутулится
возле речки на самом яру.
Растолстевшие утки и курицы
суетливо снуют по двору.

У дверей сохнут старые валенки.
Над травой скользит стрекоза.
Дремлет кот на заросшей завалинке.
В огороде развится коза.

В чугунке закипает картошечка.
Два котёнка в корзинке урчат.
Баба Настя сидит у окошечка
вспоминая далёких внучат:

как водила их в лес за орехами,
как читала им сказки под дождь.
Жалко вот, хоронить не приехали —
видно заняты были... ну что ж...

Всё как надо прошло, дело прошлое —
что грустить? не обиделась, нет..
Для могилки и место хорошее
выбрал ей на погосте сосед.

Крест сварили большой, с фотокарточкой,
положили иконку на грудь.
У ограды поставили лавочку
если вдруг кто придёт помянуть.

Сколько лет уж прошло. Сердце сжалось —
вот бы травку с могилки скосить,
да в деревне людей не осталось,
даже некого и попросить...

Внуки выросли, чай, белобрысые,
у самих, верно, внуки сейчас
достают их своими капризами —
молодым, ведь, никто не указ.
Да и сами-то были проказники...

Повидать бы на этом веку —
может как-нибудь явятся к празднику,
я оладушек им напеку.

ЗАМКИ

Всё, уходи! Я за тобою дверь
на семь замков проклятием закрою,
я ночи, проведённые с тобою,
когтями в ключья разорву, как зверь.

И всё, что было общего в судьбе,
сожгу, а пепел по ветру развею —
я этот город обращаю в Помпеи
за то, что был пристанищем тебе.

Пусть мир покроет чёрная зола,
пускай тоска по миру разольётся —
затмением вечным я закрою солнце,
чтоб ты назад дорогу не нашла.

Когда и тень твою сотрут пески,
когда ветра твои истреплют платья,
то и тогда, скреплённые проклятьем,
не отворятся старые замки.

НА ИЗЛОМЕ

Мы живём на изломе,
на смене кумиров, имён,
азбук, флагов.
Мы тешим праксителей и геростратов.

Если Чёрный Квадрат стал дороже
рубливских икон —
время вешать по красным углам
списки с Чёрных Квадратов.
Перейти Эбби Роуд почётнее, чем Рубикон...

Мир теряет оттенки и смысл:
кто — живой? кто — кадавр?
На изломе времён
оживают ночные химеры,
по таблоидам ищут решения абракадабр
дети маленьких вер,
позабывшие символы веры.
И трёхмерную плоть разъедают
и жрут полимеры...

Мы живём на изломе
у самой последней черты:
сзади прошлое, а впереди —
что ещё не назвали,
но уже проступают детали и тени тщеты,
и грядущей неясной надежды
черты и детали.
Гриль намного доходнее чаши
Святого Грааля...

Ставки сделаны. Кем и когда —
нам отслеживать лень.
Бог молчит. Бог опять занят
выбором имени бога.
Звёзды перекрывает Лапуту
скользящая тень
и бессильны астрологи.
И неизвестна дорога.

ВОЙ...

...дед поднялся с земли, растерянный,
грязный, косматый —
дом разрушен снарядом,
осталось одно крыльцо
и по чёрному пеплу рыскают саламандры,
обдирая мясо с обугленных мертвецов

двор усеян стеклом, железом,
кирпичной крошкой:
вот пробитый чайник,
вот эмалированный таз...

вот сандалик рваный,
а рядом детская ножка —
через час с небольшим внучка собрана,
словно паззл
он погладит рукой её опалённые волосы,
постоит над ней, качая седой головой,
а потом завоет, протяжно
и страшно, вполголоса,
и в ответ донесётся такой же
протяжный вой

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

...а по трубочке катятся,
переливаясь, капли —
даже кажется, что в палате
прибавилось света...
хочешь, я прошепчу на ухо тебе:
«Крибле-крабле»
и, когда ты проснёшься утром,
настанет лето?
может, в этот раз обойдёмся
без Нового года?
что в нём нового?
ёлка, свечки да шоколадка?
а назавтра с утра просто чудная
будет погода —
море света, в котором растаешь ты
без остатка
расцветёт все вокруг и тебя,
словно мёд, по сотам
разнесут суетливые пчёлы
гудящей гурьбою...
...и я буду к тебе на могилу
ходить по субботам,
чтобы просто молчать,
разговаривая с тобою...

ОЖИДАНИЕ

если б улететь хотела,
я тебя не удержал бы,
потому что в это время
все срываются на юг —

и летят по небу
листья,
птицы,
жабы,
дирижабли
и красавицы, которым
дали крылья вместо рук
если б ты уплыть хотела,
то тебя не сдержат сети,
растворишься ты в пучинах
мандариновых морей
и суровые мужчины
будут плакать,
словно дети,
видя, как ты
проплываешь
мимо быстрых кораблей
если б ты в лесу укрылась
диким зверем осторожным,
огибая все капканы,
все ловушки
и силки,
я тогда бы был спокоен,
я бы знал,
что невозможно
обмануть тебя приманкой
из протянутой руки
а сейчас сижу, глотая
дым стопервой сигареты
и на каждый звук в подъезде
я срываюсь всякий раз
лишь одно я знаю —
есть ты
только с кем ты?
только где ты?
где идёшь ты
по проспекту
в этом городе сейчас?

ФОРМАЛИНОВЫЙ КАРЛИК

Ровно в полночь,
когда тьма окутает сердце столицы
и над площадью Красной
витают тревожные сны,

Формалиновый карлик
выходит из мрачной гробницы
и, сутулясь, крадётся
вдоль тёмной кремлёвской стены.

Вроде тихо вокруг,
никакого не видно движенья:
спит охрана у входа
в темницу и площадь пуста,
лишь сияет в конце
балаганный Василий Блаженный
да над Спасскою башней
багровая светит звезда.

Формалиновый карлик бредёт
вдоль каррарских надгробий,
под которыми кости героев и бесов лежат,
и по площади, названной
именем пролитой крови,
равнодушно скользит безучастный
фарфоровый взгляд.

Тихо. Только колышатся
чёрные конусы елей
да тревожная птица ночная
кружит в темноте.
И пергаментный призрак,
подземный жилец Мавзолея,
по покато́й брусчатке
бесшумно проходит, как тень,

мимо Лобного места
и храма Васильевским спуском
он подходит к реке надышаться,
покуда заря
не взошла над Москвой,
но река чистым воздухом русским,
ясным духом своим
обжигает нутро упыря.

И становится грустно ему,
и тоскливо, и страшно,
он немного ещё постоит
на холодном мосту
и, хрустя жёлтой кожей,
опять возвращается к башне,
и стоит у ворот, и на красную воет звезду.

ДВОРЕЦ ПИЛАТА. НОЧЬ

Рим далеко. Мир погружён во мрак.
Горит луна над худшей из провинций.
Окраина империи — бардак,
Но власти здесь поболее, чем в столице.

Удушлив запах городских клоак.
В ночи крадутся воры и убийцы.
И вой безумных уличных собак
Перекрывают вопли чёрной птицы,

Чей силуэт прорезал лунный диск,
Как демон смерти, злобный василиск,
Вернулся вновь и растворился в мраке.

Не спит Пилат. Луна висит над ним.
И медленно ползут в Ершалаим
Тень властелина и его собаки.

ЧАС БЫКА

Крысобой, пробил час.
Быдло больше не слушает слов,
Лжепророки и зрелища,
видимо, поднадоели.

Ради этих ослов
мы не станем тревожить основ,
Но подрежем слегка языки
с косметической целью

Острым на язычок злобным прихвостням,
детям змеи.
Да ещё бы по спинам пройтись
отрезвляющей плетью.
Тем, кто просит земли, Крысобой,
выдай сажень земли
И ещё накорми их моею землёй
перед смертью.

Обещай, что осталось недолго
до благостных дней,
Тем, кто против войны,
что ведём со своими врагами.
Мы устроим здесь мир,
да такой, что они будут сами
Рвать друг друга на части
и плотью давиться своей.

Бог нам вверил страну,
что погрязла в безверье на треть:
Пусть куражатся те,
кто нечисто помыслит о боге,
Пусть болтают на форумах,
пишут апокрифы в блоги —
Мы не зря же раскинули
нашу глобальную сеть —
Будет крупный улов, Крысобой.
Чтобы было верней,
Дай двойное довольствие
центурионам из штаба.
Если мир обещаем —
готовиться надо к войне:
Проредим поголовье скота
с огоньком и масштабом.
Перед новым расцветом
мир нужно очистить огнём —
Царства тоже живут
по извечным законам природы:
Не всегда для империй
полезен избыток народа.
Пробил час, Крысобой.
Так иди за копьём и конём!
Тяжесть длани твоей
пусть узнает зажавшийся сброд:
Раздави их законом,
взвинти до предела налоги.
Если нужно кого-то распять,
то распни штук пятьсот —
Будет очень красиво смотреться
вдоль главной дороги.
Крысобой, пробил час.
Скоро станет светать за окном.
Ничего не жалея —
я расходы стократно покрою...
...И вели, чтоб послали слугу
за багровым вином,
Тем, что цветом и запахом
схоже с густеющей кровью.

ДРЕЗНА. МОСКВА-ПЕТУШКИ
Наверно, в сердце торкнула весна.
Вокзал столичный пахнет пирожками.
А не махнуть ли в городок Дрезна,
В туман между Москвой и Петушками.

Мал городок. Там всё наперечёт.
Не разгуляться на его пространстве.
Там жизнь неторопливая течёт
В работе, скуке, суете и пьянстве.

Там все знакомы: женятся, грешат,
Играют в домино и ходят в гости.
А час придёт — и рядышком лежат
На тихом Савостьяновском погосте.

Там всё имеет малую длину,
Желанья и мечты элементарны.
Из достопримечательностей... ну,
Фабричные кирпичные казармы,

Парк городской, клуб Волкова, ещё
Ильич из раскрошившегося гипса,
Подставивший покатое плечо
Для отдыха бесцеремонным птицам —

Набор провинциальных городков.
Таких, как он, полно по Подмоскovie.
Но ведь весна! И к чуду я готов —
А вдруг я встречу со своей любовью,

Которую не видел столько лет.
И что с того, что замужем и дети?
Внезапно подойду, скажу: «Привет»
И посмотрю, что мне она ответит.

Ну а не встречу — сяду у ларька
С каким-нибудь занюханым пьянчужкой,
Куплю себе — да и ему пивка
Налью по край в подставленную кружку.

И будем с ним о жизни говорить,
О том, что раньше было всё иначе...
— Что, повторить?.. Он: «Можно повторить».
И как-то неожиданно заплачет.

И будет, щуря тусклые глаза,
Мне каяться в каких-то преступлениях
Да так, что полупьяная слеза
И у меня проступит на мгновенье:

– Ты что? Да я нисколько не виню... –
И, вспомнив все прочитанные книжки,
Себе судьбу такую сочиня,
Что скажет мне мужик: «Не ссы, братишка!

Послушай-ка, пожившего, меня.
Ну, пусть, я пью, но духом трезв, хотя бы.
Что было – это полная фигня:
Все эти бабки, лагеря и бабы.

Ведь главное – что мы на свете есть.
Что, вот – весна! Природа забурлила.
И сердце – ты прислушайся – вот здесь!
А сердце – это главное мерило.

Ты мне поверь, всё будет хорошо...»
И станет мне спокойно и печально.
Я руку протяну: «Ну, я пошёл»
И побреду к вокзалу по Центральной.

Прощай, Дрезна. Меня труба зовёт –
Другие города, другие лица...
Запрыгну в электричку – и вперёд
Под стук колёс до суетной столицы.

Но и в московской бешеной толпе,
Замотанный пирами и делами,
Поверь, я буду помнить о тебе.
Всё будет хорошо. Хотя бы с нами.

ГОРОД Н. – ТРИК ТРАК

– Смотри-ка, ещё на скамейках
играют в трик трак,
А ты только знаешь,
что думать о пиве... дурак ты.

Дурак... старый рок
переходит в запущенный рок
И в правом глазу проявились
следы катаракты.
А помнишь, на танцах в «Гренаде»
мы жгли рок-н-ролл?
Ещё приезжал «Луна-парк»,
да, к тому же, из Пльзени.

Но, впрочем, о чём я?
Мне скоро идти на укол:
Сажу на игле –
жизнь мечтал о подобном везенье.
И ведь интересно –
мне всё ещё хочется жить,
«...И шить сарафаны
и лёгкие платья из ситца...»
Вот так-то... ну что же,
не будем о прошлом тужить –
Пивка б, да поспать...
Мне в последнее время не спится.
В последнее время...
А мы из каких же времён?
Так всё поменялось...
мы, словно, зашли сюда в гости.
Вот только трик трак до сих пор...
мартиролог имён,
Навеки ушедших друзей –
звонко катятся кости
И нас выбивают, догнав незаметно, на борт
И катятся дальше.
Но всё это, впрочем, знакомо:
Мы тоже когда-то вот так же
стремились вперёд,
Чтоб место быстрее занять...
и под солнцем... и дома.
Такая игра...
вот и сносятся шашки с доски.
А может по пиву?
Без водки и прочих контрастов –
Мы всё же солидные дяди... сидят виски...
Давай-ка пройдем до фонтанов
на Энтузиастов –
Там днём поспокойней...
Вот вечером, точно, бардак:
Одни неформалы да шлюхи
в неоновых платьях...
– Тебе ж на уколы?! Плевать?
Ну, пойдём, коли так...
Трик трак, говоришь?..
но, по литру на брата... и хватит.

